
К АКСИОЛОГИИ ПРЕДМЕТА ВЗАИМНОГО ИНТЕРЕСА В ПОЛЕ ВЗАИМНОСТИ

В.К. Радзиховская

Кафедра русского языка
ФГОУ ВПО

Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119435

Деньги ничто... когда они есть...
а боязнь чужого мнения — нечто... если человек трезв...

М. Горький

В статье показана конструктивная обязательность предмета взаимного интереса в поле взаимности, дана классификация наименований предметов взаимного интереса, выявлена его ценностная характеристика.

Ключевые слова: предмет взаимного интереса, поле взаимности.

Взаимное действие — это действие, совершаемое парным в своей основе множеством субъектов, связанных между собой объектной зависимостью, скоординированное в пространстве и времени по значимой цели и способу осуществления [1].

В систему средств функционально-семантической категории (ФСК) взаимности, объединяющей равноуровневые средства однородного значения, входят как названия собственно взаимных действий (*встретаться, делиться, разговаривать, дружить, ссориться*), так и названия отдельных частей акта взаимного действия, так называемых полувзаимных действий, образующих конверсивы (*продавать — покупать, жениться — выходить замуж, спрашивать — отвечать*) [2]. Наименования участников взаимного действия (*соперник, собеседник, друг*) и лиц, так или иначе участвующих в нем, стимулирующих его, влияющих на характер протекания взаимного действия (*сплетник, сваха, судья*), также входят в семантическое поле взаимности, составляя в нем лексико-семантические группировки. Кроме того, названия характеристик участников взаимного действия, а также свойств самого взаимного действия, способствующих представлению взаимных отношений (*общительный, разговорчивый, вежливый; взаимно, наперегонки, вничью*), также формируются в поле взаимности. Не имея морфологического центра, ФСК взаимности объединяет и системно организует равноуровневые средства, принадлежащие разным частям речи, софункционирующие при передаче значения взаимности [3]. В грамматической системе русского языка ФСК взаимности выступает как *субкатегория* (*подкатегория*), которая опирается на морфолого-синтаксическую структуру взаимного залога, объединяя или пронизывая все части речи. Ее лексическая парадигматика «рассыпана» в языке и синтаксически организуется местоименными указателями, возглавляемыми в русском языке взаимным местоимением *друг друга* [4; 5].

Взаимные глаголы могут быть возвратными и невозвратными. Глаголы мысли и речи, обозначая сложное действие, сформированное путем так называемого удвоения речевого действия — его интериоризации (человек размышляет и разговаривает, прежде всего, сам с собой), — содержат взаимное значение в лексической части и поэтому не требуют дополнительного для него морфологического оформления [6]. Взаимное значение глагола не препятствует его использованию в конструкциях страдательного залога:

В маленьком белом домике собирался теперь по вечерам небольшой елагинский кружок, здесь **обсуждались** новые **вопросы**... читались новые газеты (В. Короленко); Я слишком рано стала наблюдать **все, что** вокруг меня делалось и **говорилось** взрослыми (Е. Панаева).

В систему средств ФСК взаимности, таким образом, попадает позиция объекта, который мы и назвали объектом ***взаимного интереса*** [7].

Лексическое наполнение позиции объекта в поле взаимных отношений образует соответственно одну из важнейших лексико-семантических групп ФСК взаимности, так как именно этот объект определяет и организует взаимное действие в сфере имущественных отношений. Более того, он организует целостность доминантного в поле взаимности мысле-рече-языкового действия. Эту важную особенность человеческой психики показал А.П. Чехов, обнажив механизм мыслительного движения образом Душечки, реализующейся в согласовании своих действий с теми, кого она любит, кому доверяет:

«А как это ужасно, не иметь никакого мнения! Видишь, например, как стоит бутылка, или идет дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или едет мужик на телеге, какой в них смысл, сказать не можешь и даже за тысячу рублей не сказал бы. При Кукине и Пустовалове и потом при ветеринаре Оленька могла объяснить все и сказала бы свое мнение о чем угодно, теперь же и среди мыслей и в сердце у нее такая же пустота, как и на дворе. И так жутко и так горько, как будто объелась полыни».

Мнение — «суждение, выражающее оценку чего-н., отношение к чему-н., взгляд на что-н.» [8] — феномен взаимодействия, взаимности как явления психики, мыслительной деятельности. Сравним также попадание в поле взаимности слова *значение* — «смысл, то, что данный предмет (слово, знак, жест) обозначает» и «важность, значительность, роль» [8].

Мнение организует всю деятельность человека через мысле-рече-языковую деятельность и мысле-рече-языковое действие как общественное явление:

И вот общественное мнение! / Пружина чести, наш кумир! / И вот на чем вертится мир! (А. Пушкин).

Ценностное значение для личности общественного мнения подчеркивается ироническим высказыванием поэта В. Маяковского:

«Мнение — не имение. / Потерять его не страшно».

Примечательно, что здесь в фокусе оценки объекта взаимного интереса оказываются предметы имущественной и интеллектуальной ценности.

Приоритетность духовного над материальным предметом взаимных отношений выявляет М. Горький словами своего героя («что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»):

Суслов. (...) «На земле весь род людской...» «...Все вы — скрытые мерзавцы...» «Люди гибнут за металл...» «Ерунда... Деньги ничто... когда они есть...» «а боязнь чужого **мнения** — нечто... если человек трезв... и все вы — скрытые мерзавцы, говорю вам...» («Дачники»).

Сам язык является «объектом взаимного действия», он организует, согласует мысль-рече-языковую деятельность и мысль-рече-языковое действие — взаимное по своей природе [9]. Невозможно, чтобы в языке не нарабатывалась лексика, системно организующая наименования объектов взаимного действия. Для каждого системно организованного поля взаимного действия (мы различили: взаимное движение с предметом, взаимные отношения с предметом имущественной ценности и мысль-рече-языковое действие как доминантное в поле взаимных отношений) складывается иерархия наименований объектов взаимного действия, направляемая формированием соответствующей терминсистемы [10].

Значение взаимного действия с предметом взаимного интереса пронизывает все поле ФСК взаимности, так что мы различаем три группы наименований предметов взаимного действия:

(а) наименования предметов (объектов) имущественного владения; разновидностью такого объекта является предмет купли-продажи, при этом такие слова, как *товар*, *деньги*, *акции*, *фишки*, служат наиболее общими выразителями значения предмета взаимного действия как объекта имущественного владения и наиболее отчетливо сигнализируют о наличии взаимных имущественных отношений в речи/тексте; Конкретное представление лексической семантики этой группы не знает границ, но наиболее существенная лексика прилегает к центру рассматриваемого явления и легко получает обобщенное значение предмета имущественной ценности, организуя поле взаимных отношений в речи:

Я так замечаю, что люди, которые на земле свой **кус хлеба** берут, — **друг у друга** **изо рта его дерут**. (М. Горький «Мещане»);

(б) наименования предмета игры (игровых фигур) как объекта взаимодействия игроков в поле физического, а точнее, психофизического действия; в языке ему соответствуют формирующие поля взаимности в тексте названия предметов спортивного инвентаря (*мячи*, *шары*, *шашки*), игровых фигур (*карты*, *кости*, *фишки*), используемых в различных играх, предназначенных для двоих и более игроков; лексика этой группы меняется и развивается с развитием культуры игры. Однако формирующим поле взаимных отношений между его участниками является здесь не столько предмет игры, организуя, тем не менее, ситуацию игры, сколько азарт — стремление выиграть, обыграть. Факт этот доказывается, в частности, различиями глагольного управления: *выиграть* (у кого), или *обыграть* (кого) — *проиграть* (кому), в польском языке отношения показаны более «равноправно»: *wygrać z kim* — *przegrać z kim* — как будто соблюдается этика взаимных отношений в ситуации игры (не так обидно проиграть!);

(в) слово и язык как феномен культуры, носитель информации и инструмент мысле-рече-языкового действия, общения — взаимного действия высшего порядка. Наименования этих реалий выступают выразителями семантики взаимности; *значение, мнение* (даже *фишка* как ‘мера препятствий, порогов планируемых действий’) — вот что организует всю деятельность человека через мысле-рече-языковую деятельность и мысле-рече-языковое действие как общественное явление.

Границы этой семантической группы также жестко не определены и подвижны:

«Насколько я успел узнать вас, почтеннейший Семен Семенович, под словом **дело** вы подразумеваете выжимание соков из ближних ваших? В этом смысле я еще не **деловит**... увы!» — «Вы не горюйте! В юности, понимаете, это трудненько: совесть еще не окрепла, и в голове кисель розовый вместо мозгов. А созреете, и преудобно воссядете на чьей-нибудь шее... На шее ближнего всего скорее доедешь к благополучию своему» (М. Горький «Дачники»);

В.Т. Спиваков: В Русской провинции на рынке все отдавали, не хотели брать деньги: «Да что Вы, Владимир Теодорович! Это для нас **память!**» Вот это перевести на другой язык — никто не поймет.. (13.02.09. ТВ «Линия жизни»).

Предмет взаимного интереса всегда присутствует в поле взаимных отношений в явной или неявной форме как мотив взаимного действия. С целью успешной реализации взаимных отношений он может быть скрыт намеренно или непреднамеренно. Но если нет предмета взаимного интереса, то и нет взаимности отношений. Язык и речь реагируют на эту сложную ситуацию взаимных отношений оформлением взаимного значения в глаголе, в наименованиях лиц, участников взаимного действия, и объектов взаимного интереса, их характеристик, самим наличием/отсутствием и даже ложным представлением объекта взаимного интереса в речи.

Тематическая организация наименований предмета взаимного интереса может быть рассмотрена в свете профессиональной специализации деятельности человека, поскольку поле взаимных отношений в языковой системе формируется собственно и за пределами наименования лица и действия по профессиональному признаку в парадигме наименований заинтересованных в продукте труда — по цели действия [11]. А наименование продукта труда как цели профессионального действия и есть наименование предмета взаимного интереса. Например, для профессии *повара* (с этой необходимой профессии начинает А. Твардовский свою «Книгу про бойца»: *На войне в быту суровом, / В трудной жизни боевой... / Важно только, чтобы повар / Был бы повар... парень свой*) содеятель — это *едок* (*Ничего себе едок — / Парень этот новый*) — ‘тот, кто питается где-н. или состоит на пищевом снабжении’ (офиц.), также *рот* — «перен. ‘едок, иждивенец’ (прост.), находящийся за пределами непосредственной профессиональной деятельности повара во внешнем ее проявлении. Парадигматика поля взаимности здесь строится относительно слова, называющего предмет взаимного интереса, неоднородно фокусирующего создаваемое им поле: *еда* — ‘то, что едят’ (также *пища* — ‘то, что едят’ и *блюдо* — ‘кушанье в обеде, завтраке или ужине) [8]; *Жить без пищи можно сутки, / Можно больше, но порой / На войне одной минутки / Не прожить без*

прибаутки, / *Шутки самой немудрой* — выделены наименования предметов взаимного интереса материального и идеального характера, имущественной и интеллектуальной ценности. Для *продавца* содейтель — это *покупатель*, организуемый наличием *товара/денег* (товара у продавца и денег у покупателя); в семейных отношениях *жены* и *мужа* как *отца* и *матери* поле взаимности организует *ребенок*; для *учителя* содейтелем является *ученик*, нуждающийся в получении *знаний*, для *врача* — *пациент*, который должен помогать врачу (по Гиппократу) восстанавливать свое *здоровье* и т.п.

Тематическая классификация лексического арсала ФСК взаимности подтверждает упорядоченность формирующихся в ее пределах лексических конверсивов, покрывающих акт взаимных отношений. Это доказывается также и через связь конверсивов с наименованием предмета взаимного интереса, поскольку онтологически без предмета взаимного интереса, хотя бы и виртуального, видимо, не возникают взаимные отношения. Так, скажем, в паре глаголов *писать* — *читать* единство акта взаимного действия поддерживается единым объектом действия: ‘читают то, что написано’ и ‘пишут для того, чтобы потом прочитать или для того, чтобы кто-то прочитал то, что написано’.

Единство объекта *чтения* и *письма* доказывает необходимую связь глаголов *читать* и *писать*. То, что глагол *читать* находится в конверсивных отношениях с глаголом *писать*, можно видеть в том, что общение читателя с писателем идет опосредованно — через *книгу* как предмет взаимного интереса; *письмо* как объект взаимных отношений, реализуемых соотношением действий *писать* — *читать*, просматривается даже через деструктивные свойства контекстов, допускающих абсурдные позиции:

«За столом — не сам, так зам, — / Нам не все равно ли, / — Я вас слушаю, — сказал, / Морщась, как от боли. / ...Не пойдет. / Разрез не тот. / В мелком плане взято. / Авторучкой повертел. / — Да и места нету. / Впрочем, разве что в Отдел / **Писем без ответа**» (А. Твардовский «Теркин на том свете»).

В названии романа «*Неотосланные письма*» допускается несквантованность лексических значений, такое нарушение лексической сочетаемости в словосочетании делается для привлечения читателя. Нереализованность действия по глаголу *писать* и его результата: *письмо* — ‘то, что написано, «написанный текст, посылаемый для сообщения чего-н. кому-н.»’ [8] — должно быть отослано и прочитано — создает дополнительный интерес к содержанию этого литературного произведения.

Конверсивная связь слов в языке, доказывающая системность организации поля взаимности, поддерживается и системой словообразовательных отношений в тематической группе: продолжение (рефлекс) конверсивных отношений можно наблюдать в соответствующих словообразовательных формах и их лексических парадигмах, куда попадают и наименования предметов взаимного интереса.

В этой связи возникает вопрос: «Если в поле взаимных отношений попадают наименования участников взаимного действия *учитель* — *ученик* (ср., *продавец* — *покупатель*), то составляют ли конверсивную пару глаголы, называющие дейст-

вие, выполняемое ими в ситуации (об)учения: *учить* и *учиться*, подобно глаголам *продавать* — *покупать*?» Неустойчивость конверсивной связи глаголов *учить* — *учиться* подтверждает афоризм: *Ничему нельзя научить, но всему можно научиться*.

Л.Н. Толстой приводит сходную мысль в своей «Книге для чтения»: «Многому я научился у своих наставников, еще более у своих товарищей, но более всего у своих учеников» («28 марта, Талмуд») — она говорит в пользу понимания особенного характера взаимных отношений учителя и ученика. Как говорили древние, *Dum doceo, disco* (когда я учу, я сам учусь): особенное свойство информации состоит в том, что она не исчезает, не убавляется, когда человек делится с кем-либо знанием, а увеличивается, становится подлинным **знанием**. Так в языке на основе номинаций лиц, вступающих в поле взаимных отношений: *учитель* ‘тот, кто учит, учащий’ — *ученик* ‘тот, кого учат, учащийся’ формируется поле взаимных отношений, фиксируемое своеобразной квазиконверсивной парой глаголов *учить* и *учиться* (поскольку действия эти принудительно жестко не связаны и открыты для новых взаимных отношений). Постигаемое новое становится знанием, т.е. предметом взаимного интереса особой ценности только при вовлечении в поле взаимных отношений.

Лексико-семантические отношения между глаголами *учить* — *учиться* как конверсивной пары глаголов устанавливаются по принципу организации сложных систем: они нелинейны и неоднородны, так как в отрыве от глагола *учить* глагол *учиться* имеет общевозвратное значение. Вот почему более справедлива вторая часть выражения: *Ничему нельзя научить, но всему можно научиться*, и лишь наполовину верно пассивное кредо ученика: *Учитель захочет* — *выучит*, но только в поле взаимных отношений реализация семантики конверсивной пары глаголов *учить* — *учиться* получает оптимальный результат — знание.

Сложная нелинейность отношений учителя и ученика (воспитателя и воспитанника) просматривается в книге А. Иванова о современной школе «Географ глобус пропил», М., 2007. Герой книги — учитель, будучи в походе с учениками старших классов, разгадывает механизм воспитательно-образовательного действия учителя на ученика:

«Конечно, никакой я для отцов (неформальных лидеров класса — В.Р.) не пример. Не педагог, тем более не учитель. Но ведь я и не монстр, чтобы мною пугать. Я им не друг, не приятель, не старший товарищ и не клевый чувак. Я не начальник, я и не подчиненный. Я им не свой, но и не чужой. Я не затычка в каждой бочке, но и не посторонний. Я не собутыльник, но и не полицейский. Я им не опора, но и не ловушка и не камень на обочине. Я им не нужен позарез, но и обойтись без меня они не могут. Я не проводник, но и не клоун. Я — **вопрос**, на который каждый из них должен ответить».

В педагогике выделяется такой стиль педагогического общения, как «индивидуально-типологическая особенность социально-психологического взаимодействия педагога и обучающегося», как совместной увлеченности познавательной деятельностью [12]. Этот тип отношения соответствует ситуации обучения, строя-

щей поле взаимных отношений на обоюдном интересе к предмету изучения. **Вопрос** — вот предмет взаимного интереса и способ движения человека в процессе взаимодействия с миром. Сложность положения учителя в том, что он вступает в отношения с учеником по ситуации на разных уровнях, но учитель, если он учит ученика, то, ведя воспитанника, оставляет ученику пространство для обдумывания его шагов — в этом их поле взаимных действий.

На этом пути возможна работа по воспитанию культуры мышления [13]. Как форма речевого общения учителя с учеником здесь делу помогает «поучение в примере» (В.И. Даль — *притча*), любой *рассказ*, представляющий аналогичную ситуацию, связанную с предметом изучения, тем самым, оказываясь предметом взаимного интереса, может направить движение мысли.

Лексический ареал, выделяемый нами по принципу профессиональной специализации, при рассмотрении в поле взаимных отношений обнаруживает во всех тематических группах *динамически неоднородную* интенсивность проявления значения взаимности.

Формально профессиональная дифференциация нарушает целостность акта взаимных отношений, но в каждой ситуации нарабатывается сложная система *иерархически организованного* сложного действия, и тем самым обеспечивается нюансировка представления ареала взаимных отношений. В системах номинации участников взаимных отношений и предмета взаимного интереса в этих действиях в разных профессионально ориентированных тематических группах складывается разная его акцентуация. Так, для профессии *повара* нет жесткой привязки номинации производителя и потребителя его продукции («того, кто готовит» и «того, кто ест») и определенности наименования предмета их взаимного интереса (*еда, пища, блюдо*); в области семейных отношений более или менее отчетливо отмечены по функциям роли родителей и детей, родных (биологических) и приемных, в сравнении *приемный родитель* и *приемный ребенок* семантический «перевес» лежит на определении предмета взаимного интереса родителей; в сфере охраны здоровья неоднозначны отношения в парадигме слова *врач* — *больной* (*больной* может быть так же отдален от *врача*, как *ученик* от *учителя*), поэтому необходимым оказалось заимствование слова *пациент* (не снижается ли при этом значение слова *здоровье?*), а в поле взаимности *учитель* — *ученик* — *знание* слово *учитель* приобретает особенную социальную значимость.

В силу отработанной языковой практикой опредмеченности осваиваемого мира наиболее выразительно проявляются различные специфические стороны профессиональной лексики в системе ФСК взаимности в сфере торговли, когда поле взаимности возникает по функциональной целесообразности в сфере материальных ценностей. Здесь сам процесс осуществляется минимально двумя деятелями; лексика семантического поля ситуации торговли отражает его взаимный характер.

Слово *торговать* означает обратимое действие, осуществляемое в поле взаимных отношений: ‘покупая товар или получая его по доверию, продавать; промышлять куплей и продажей’, хотя по ситуации у данного глагола, видимо, преобладает значение ‘продавать’: *В убыток торговать (продавать) нельзя* [8]. Имен-

ное наименование этого действия *торговля*: ‘производство торга, купля и продажа, промысел купеческий, оборот товарам из прибыли’ – в силу скрытого в нем взаимного значения стимулирует возникновение композита *купля-продажа*, образование которого объясняется потребностью раскрыть сложную природу этого действия, его взаимный характер [8]. В свою очередь этот композит подтверждает принадлежность к полю взаимности конверсивной пары глаголов *купить* — *продать*.

Взаимный характер значения своей неполнотой мотивировки при словопроизводстве обнаруживает наименование лица *купец* — ‘торговец, посадский, негодичант, торгующий чем-либо || покупатель’ [8]. *Купец* не только «купляет», но и продает товар.

Выбор основы, производящей номинацию лица, видимо, определяется здесь тем, что то, что он продает, он же и покупает, и это последнее для образования слова оказалось важнее, так как зафиксировало одновременно и признак лица, и дало намек на особенные свойства предмета торговли, может быть, его новизну, необычность, **нездешность**. Бóльшая профессиональная специализация у слова *продавец* ослабляет в нем семантику взаимности обозначаемого действия, но не исключает ее, так как необходимо по функциональной направленности требует наличия *покупателя*, человека с деньгами (*покупать* — ‘брать за деньги’ [8]) — предметом взаимного интереса.

Поле взаимности, актуализируемое глаголом *торговать*, связкой глаголов *покупать–продавать*, существительными *торговля, торг, торговец, купец*, создается словом, обозначающим предмет купли-продажи: **товар**. То, что оно относится к полю взаимности, поддерживается и тем, что от него образуются соответствующие наименования лица: *товарка, товарищ*, формирующие свои поля взаимных отношений, уже минуя значение слова *товар*. Точно так слово *деньги* — ‘инструмент торговли’, «1. только мн. металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже» входит в поле взаимных отношений [8]. Например: *Не деньги создают банк, а взаимные отношения* (Рекламный плакат, Москва, 2006 г.).

Выполняя объектную функцию при глаголе *занять*, представляющем в диахронном плане вершину словообразовательного гнезда, формирующего ядерный конструкт лексики ФСК взаимности (в него входят слова *заем, взаимный, взаимно, взаимность, займы*) слово *деньги* выступает лексическим квантом значения взаимности, объединяя конверсивную пару: *покупать* — *продавать за деньги*.

Закрытость торгового поля взаимных отношений, ограниченного материальной опредмеченностью действий, противопоставляется **открытости** образовательного поля с его бесконечным предметом взаимного интереса — **знания** (*Пределы есть владениям / Господ, вельмож, царей земных, / А мудрого владение — / Весь вертоград Христов!* — Н. Некрасов «Кому на Руси...»): отсюда в языке более тесная связь конверсивов *купить* — *продать* и ослаблена как конверсная пара *учить* — *учиться*. Однако знание, информация как предмет купли-продажи “*know how*” («знать как») создает ограничения образовательного поля взаимных отношений.

Особенное положение предмета взаимного интереса в ситуации судебного производства, отягощенного иерархией участников взаимного действия, так что участники взаимных отношений «приведены к раздельному существованию», исключая непосредственное общение друг с другом. Однако в номинациях участников судебного процесса просматриваются оппозиции по типу антивзаимных отношений: связанные функционально семантикой ситуации судебного процесса, слова *истец* и *ответчик* противопоставляются соответственно словарным определениям, как и слова *обвинитель (обвиняет)* и *адвокат (защищает)* [8]. Слова же *прокурор* и *судья (судит)* справедливо стоят вне этих оппозиций.

Выше всех в иерархии этой системы как будто стоит слово *судья*, означающее ‘должностное лицо, разрешающее дела судом’ [8]. Оно функционирует в пределах действия предикативности/абerratивности, и в то же время находится почти за пределами поля взаимных отношений, словарное определение даже вводит его в поле взаимных отношений крайнего противопоставления, делающего участника процесса его печальным объектом: «производить рассмотрение чьего-н. дела в судебном порядке. Судить преступника. Судить злостного прогульщика» [8].

Особенное положение в поле взаимных отношений слова *судья* проявляется в использовании специальной формы обращения к судье (в польском языке случайно слово *sędzia* сохранило в своем склонении уважительные формы *sędziego*, *sędziem*), а глагол *судить* в соотносимом с наименованием лица значении в силу той же предикативности/абerratивности в норме не дает полного охвата объектных падежных форм (‘кого с кем’), но зато проливает свет на значение взаимно-возвратного глагола *судиться*.

Отметим важное для рассмотрения ФСК взаимности выявление объектно-взаимных глаголов: *судить*, *мирить*, *ссорить*. Такие глаголы, как *целуются*, *встречаются* — передают субъектно-взаимное значение: ‘действие совершает **кто-то** с кем-то’ и глаголы *целует*, *встречает* не обозначают взаимных отношений: *целует*, *встречает* ‘**кто-то** кого-то’, а глаголы *мирит*, *ссорит* передают объектно-взаимное значение: «**мирит** ...кого-что или кого-что с кем-чем. Восстанавливать согласие или мирные отношения между враждующими сторонами»; **ссорит** ...кого-что или кого-что с кем-чем. Вызывать ссору, содействовать появлению неприязненных, враждебных отношений между кем-нибудь [8]. При этом глагол *судить* («производить рассмотрение чьего-нибудь дела в судебном порядке»), соотносящийся с наименованием лица — судьи, вступающего во взаимно-объектные отношения по ходу судебного разбирательства отношений истца с ответчиком, не получает взаимно-объектного грамматического оформления ‘кого с кем’ [8]. Судья дистанцируется в своем ведении дела от всех участников судебного разбирательства, соблюдая этику иерархически построенного поля взаимных отношений. По всей видимости, возвратная форма *-ся* объектно-взаимных глаголов несет общевозвратное значение, а не взаимное: ‘сами’ *судятся*, *мирятся*, *ссорятся* — взаимное значение «спрятано» у них в лексической части производящих их глаголов. Эти глаголы интрепретируются как взаимно-возвратные глаголы **исключенного объекта** [4]. Объект взаимного интереса здесь, похоже, умышленно словесно не фиксируется языком.

Особый социальный статус воспитательно-образовательного процесса, определяющего в конечном счете быть или не быть человеку на земле, предьявляет наиболее высокий уровень взаимных отношений в области взаимодействия Учителя и Ученика. И катастрофа авторитета школьного учителя, которая оборачивается потерей учеником учителя, не может быть предупреждена без учета необходимого для запуска квантово-синергетического механизма функционирования поля взаимности предмета взаимного интереса — **внятного предмета изучения**.

Системность лексики, заполняющей функцию объекта взаимного интереса (как и лексики, заполняющей позиции участников взаимных отношений), проявляется в динамической неоднородности по их аксиологической значимости (духовной и материальной ценности). Такие предметы взаимного интереса, как *еда* (повар — едок), *здоровье* (врач — пациент), *зрелище* (актер — зритель), *образование, знание* (учитель — ученик), не равноценны сами по себе и субъективно могут рассматриваться по разной шкале оценок. Функционально-семантическая категория взаимности в целом, будучи жизненно важной категорией, организующей движение всех форм в языке, формируется, таким образом, как **суперкатегория** (надкатегория) с динамически неоднородной грамматической, словообразовательной, лексической (фиксируемой терминологически) полицентричностью, представляющей разноуровневую систему выражения взаимных отношений в языковом континууме.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Радзиховская В.К. Мысле-рече-языковое действие в интерпретации ребенка дошкольного возраста // Сб.: «Живое слово русского Севера». — Архангельск: Изд. ПГУ, 1998. — С. 103—114.
- [2] Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М., 1974.
- [3] Откупщикова М.И. Статус взаимного залога // Сб.: «Проблемы категории залога». — Л., 1978.
- [4] Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в русском языке. — М., 1968.
- [5] Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938.
- [6] Выготский Л.С. Мышление и речь. — М., 1996.
- [7] Радзиховская В.К. Предмет взаимного интереса в поле взаимности // Язык и мышление: Психолингвистический и лингвистический аспекты. Материалы 5-й Всероссийской научной конференции (Пенза, 11—14 мая 2005 г.). — Москва—Пенза, 2005. — С. 94—97.
- [8] Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1952.
- [9] Радзиховская В.К. Предмет взаимного интереса в поле взаимных отношений // Преподавание русского языка в школе и вузе в контексте межкультурной коммуникации: Материалы Международной научно-практической конференции (18—19 марта 2010 г.) — М.: МПГУ; Ярославль: РЕМДЕР, 2010. — С. 65—72.
- [10] Сергеевнина В.М. Принципы системного анализа терминов // Межв. сб.: «Термин и слово». — Горький, 1978. — С. 65—74.
- [11] Радзиховская В.К. Профессиональная специализация лексики в системе функционально-семантической категории взаимности // Языки профессиональной коммуникации: сб. стат. участников 3-й международной научн. конф. (Челябинск, 23—25 октября 2007 г., ЧГУ). — Челябинск: Энциклопедия, 2007.
- [12] Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Лодыженской. — М.: Флинта—Наука, 1998.

- [13] *Радзиховская В.К., Васильева Ж.В. Григорьев А.В., Кирьянов А.П.* Проблемы внедрения квантовой парадигмы в образовательный процесс как основания интеграции междисциплинарных связей и отношений и воспитания культуры мышления // *Научные труды МПГУ. Серия: Гуманитарные науки.* — М.: Прометей, 2004. — С. 69—79.

TO AXIALOLOGY OF THE MUTUAL INTEREST'S OBJECT AT THE FIELD OF RECIPROSYTY

V.K. Radzikhovskaya

Russian Language Department
Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia, 119435

This report represents the constructive need also reveals valuable characteristics and gives denominations classification of the mutual interest's object at the reciprocity's field.

Key words: functional semantic category of reciprocity, mutual interest's object, field of reciprocity.

LITERATURE

- [1] *Radzihovskaja V.K.* Mysle-reche-jasykovoe deystviye v interpretacii rebenka doscholnogo vozrasta // *Sb.: «Zhivoe slovo russkogo Severa».* — Archangelsk, izd. PGU, 1998. — S. 103—114.
- [2] *Apresyan Yu. D.* Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka. — M., 1974.
- [3] *Otkupshhikova M.I.* Status vzaimnogo zaloga // *Sb.: «Problemy kategorii zaloga».* — L., 1978.
- [4] *Janko-Trinickaja N.A.* Vozvratnye glagoly v russkom jazyke. — M., 1968.
- [5] *Peshkovskij A.M.* Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. — M., 1938.
- [6] *Vygotskij L.C.* Myschlenie i rech. — M., 1996.
- [7] *Radzihovskaja V.K.* Predmet vzaimnogo interesa v pole vzaimnosti // *Jasyk i myschlenie: Psiholingvisticheskiy i lingvisticheskiy aspekty. Materialy 5-oj Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Penza, 11—14 maya 2005 g.).* — Moskva—Penza, 2005. — S. 94—97.
- [8] *Ojhegov C.I.* Slovar russkogo jazyka. — M., 1952.
- [9] *Radzihovskaja V.K.* Predmet vzaimnogo interesa v pole vzaimnyh odnoscheniy // *Prepodavanie rysskogo jazyka v shkole i vyze v kontekste mezhkulturnoy kommunikacii: Materialy Mejh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii (18—19 marta 2010 g.)* — M.: MPGU; Jaroslavl: REMDER, 2010. — S. 65—72.
- [10] *Sergevnina V.M.* Principy sistemnogo analiza terminov // *Mejhv. sb: «Termin i slovo».* — Gor'kiy, 1978. — S. 65—74.
- [11] *Radzihovskaja V.K.* Professionalnaya specializaciya leksiki v sisteme funkcionalno-semanticheskoy kategorii vzaimnosti // *Jazyki professionalnoj kommunikacii: sb. stat. uchastnikov 3-ey Mezhdunarodnoy nauchn. konf. (Chelyabinsk, 23—25 oktyabrya 2007 g.): v 2 t., ChGU.* — Chelyabinsk: Enciklopedia, 2007. — S. 221—224.
- [12] *Pedagogicheskoe rechevedenie. Slovar-spravochnik / Pod red. T.A. Lodyzhenskoy.* — M.: Flinta—Nauka, 1998.
- [13] *Radzihovskaja V.K., Vasilyeva Jh.V. Grigoryev A.V., Kiryanov A.P.* Problemy vnedreniya kvantovoy paradigmy v obrazovatelnyy process kak osnovaniya integracii mezhdisciplinarnykh svyazey i odnoscheniy i vospitaniya kultury myschleniya // *Nauchnye trudy MPGU. Seria: Gumanitarnye nauki.* — M.: Prometey, 2004. — S. 69—79.